

Февраль 2005 года

Двое мужчин, нахмурившись, изучали карту. От нее было мало толку, и один из них сверился с инструкциями, которые потрудился записать накануне. Хирану нужна работа в Англии — дома у него осталась жена и пятеро детей, тогда как у Таджа только двое малышей, отчего Хиран полагал, что должен отнестись к делу с большей серьезностью, чем друг.

Они знали имя связного. Им следовало найти его в Лондонском Королевском госпитале. Хотя, скорее всего, это он их найдет. Его звали Намзул, только это и было известно. И еще, что он, возможно, поможет все организовать. Хиран был уверен: в самый ответственный момент Тадж сбежит, он уже кое-как устроился, впереди маячила работа и звенели драгоценные фунты. Ладно, будь что будет! До сих пор дружба с Таджем придавала ему сил в странном, чужом мире, который их окружал. А теперь, перед лицом важного решения, он особенно нуждается в поддержке.

Его пугал Лондон, но тут — в Уайтчепеле¹ — он чувствовал себя больше дома, чем во всех тех местах, в которых умудрился побывать за последние пару недель. В Европу он добирался по суше. Заплатил кучу денег, чтобы попасть из Кале в Англию. Его везли в каком-то контейнере: знакомые знакомых, в свою очередь, передали его дальнбойщикам из картеля торговцев человеческим

¹ Исторический район Лондона Уайтчепел знаменит тем, что здесь происходили убийства, приписанные мистическому серийному маньяку Джеку Потрошителю. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

товаром. Попал в ночлежку — обшарпанный дом в районе под названием «Бродвейский рынок» в трущобах Хакни. Он делил крышу с четырнадцатью мужчинами, которые были тут транзитом, не все бангладешцы, было несколько пакистанцев, турки и еще горстка оборванцев из других стран. Поначалу это спасало. Он никогда не знал, но все они приехали сюда с одной целью — дать семьям шанс не умереть дома голодной смертью. Если он продержится хотя бы год, они с Чуми соберут достаточно, чтобы отправить детей в школу. Возможно, он даже откроет продуктовую лавочку. Хиран знал, что дело выгорит, только бы поймать случай и обзавестись капелькой стартового капитала. Эта мысль грела ему душу.

— Смотри под ноги, парень! — крикнул мужчина в форме, прерывая течение его мысли. Похоже, патрульный или кто-то вроде того.

Хиран испуганно обернулся.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, с опаской переходя на язык, который с таким трудом вбивал себе в голову. Английский казался ему сложным и запутанным.

«Просто извиняйся за все, — как-то посоветовал ему учитель. — Если наступишь на ногу англичанину, он первым попросит прощения. Манеры проведут тебя куда угодно, и простое «извините» избавит от массы проблем».

— Не хочу, чтобы тебя сбила машина, приятель, — сказал полицейский, указывая на «ауди» у въезда на парковку «Сейнсбери». Вид у дамы за рулем был недовольный, она определенно торопилась. Все в Лондоне куда-то спешили. Хиран гадал, выживет ли он здесь.

— Вы заблудились? — дружелюбно спросил патрульный, заметив у Хирана карту. — Ух, приятель, ты так странно выглядишь! — улыбнулся он, заметив, что у Хирана глаза разного цвета: один — карий, другой — светло-зеленый, странно контрастирующий со смуглой кожей.

Хирану никогда не позволяли забыть об этом недостатке. Люди избегали смотреть ему в глаза, чтобы их не пленил злой дух. С другой стороны, именно из-за глаз Чуми обратила на него внимание. Он выглядел таким трогательным и уязвимым, говорила она, и совсем не страшным.

— Пожалуйста, — повторил он, и в его странных глазах появилось виноватое выражение, — мы ищем госпиталь.

Полицейский усмехнулся и пожал плечами.

— Ну, такую громадину ты не пропустишь! Сначала прямо, вон туда, — увлеченно жестикулировал он, — затем направо, а потом посмотрите через дорогу. Большое темно-красное здание, там напротив куча палаток с чурками, «паки»¹ в общем. Э-э, без обид, ладно? — смущенно добавил он, внезапно осознав, что его собеседники, похоже, выходцы из того же региона.

Об этом Хирана предупреждали. Он слышал голос учителя у себя в голове:

«Для англичан ты всегда будешь или пакистанцем, или индусом, хотя сегодня чаще говорят «мусульманин». Всех в одну кучу. Если у тебя смуглая кожа, ты попадешь в эту корзину, и неважно, откуда ты — из Пакистана, Индии, Бангладеш, Шри-Ланки. Не принимай такое близко к сердцу и помни, что это — обоюдоострый меч. Ты же не можешь определить, откуда они — из Англии, Шотландии, Уэльса или Ирландии. Они все на одно лицо. Просто прими это».

Толковый совет.

— Спасибо, — несколько раз повторил Хиран с легким поклоном.

— О'кей, приятель, без проблем. — На лице полицейского было написано некоторое замешательство. — Просто идите на запах кари, — рассмеялся он, надеясь, что парни поймут шутку.

Они не поняли. Но Хиран кивнул, улыбнулся и подтолкнул Таджа туда, куда показал патрульный. Повернув за угол, они увидели длинный ряд крытых лотков. Там продавалось все — от пиратских DVD до овощей. Торговцы старались отвоевать друг у друга побольше места: обувь против рыбы, часы против бобов. Яркие сари развевались, как занавески на ветру. В заполнявшем улицу гомоне Хиран уловил обрывки фраз на урду². Стала понятна шутка патрульного. Маленькие закусовые, торгующие в основном

¹ Пренебрежительное название пакистанцев.

² Индоевропейский язык, родственник хинди, один из двух официальных языков в Пакистане (второй — английский).

острыми блюдами, проперчили всю улицу. Они чередовались с обычными магазинами, в которых можно было купить чемоданы, мобильные телефоны, одежду на самый разный вкус и бакалею. Ярко освещенные мини-маркеты обещали продать что угодно, кому угодно и в любое время дня и ночи.

В этой толчее Хиран почувствовал себя лучше. Как и обещал полицейский, прямо через дорогу, довлея над человеческой суетой, возвышался Лондонский Королевский госпиталь. Это было величественное здание, но его великолепие потускнело. Тем не менее, словно огромное прожорливое существо, госпиталь проглатывал людей дюжинами, чтобы ровно в таком же количестве изрыгнуть их обратно из огромного створчатого прохода: человеческие тела вились нескончаемой змеей, полностью заполняя улицу, по Уайтчепел-роуд, и голова этого монстра — или, возможно, его хвостовая оконечность — лежала в проеме знаменитых ворот госпиталя.

Дождавшись, пока человек на светофоре вспыхнул зеленым, они влились в поток, текущий к входу, и вскоре оказались в приглушенном мраке вестибюля.

— Куда теперь? — спросил Тадж на урду.

Хиран специально ответил на английском. Ему нужна была практика.

— Нужно найти вход в подвал в западном крыле. Это между библиотекой и помещениями часовни.

Указатели на грязной желтой стене, вероятно, остались еще от строителей Вавилонской башни — только этим можно было объяснить наличие указателя на урду.

— Там написано «Вниз».

Таджи указал на остатки бывшего великолепия в виде стальной викторианской лестницы, которая вилась вокруг ажурной решетки шахты лифта. Лестница была столь прекрасна, что Хиран на мгновение застыл, очарованный искусной работой, и Таджу пришлось одернуть его.

В подвале архитектурных украшений не было и в помине. Вереница холодных коридоров с низкими потолками источала сырость. Шаблонный геометрический узор был слабой, заведомо проигрышной попыткой скрасить унылое однообразие коричне-

вых стен, которые, по-видимому, когда-то тоже были желтыми. Картину дополняла липкая лента, удерживающая вздутый линолеум.

— Куда дальше? Что там в инструкции? — шепотом спросил Тадж.

Хиран пожал плечами.

— Ждем здесь, — ответил он. — Тем более что уже почти время молитвы. Комнаты для молитв вон там. — Он мотнул головой в сторону.

Тадж кивнул и сполз по стене, усаживаясь по пол. Хиран двинулся по коридору, доставая из кармана фотографию Чуми и малышей; он держал ее у самого сердца. Фото запечатлело не улыбки, а лохмотья. Именно поэтому он должен был... Эта фотография напоминала ему: он правильно поступил, отправившись в Лондон, пойдя на такой риск, собираясь сделать то, что он собирался. Если у него получится, это изменит их жизнь к лучшему.

— Ты будешь молиться? — спросил он.

Тадж покачал головой.

— Не уверен, что Аллах простит нас, — сказал он, — мне нужно подумать.

Хиран чувствовал что-то подобное. Но он был набожен и, сняв, как предписано, обувь, тихо вошел в душную комнату. Кроме него, в западном крыле нашелся только один человек, который хотел помолиться в этот час. Время бежит быстрее, если молитва объединяет многих. Но сегодня Хиран был счастлив, что комната почти пуста. Ему нужно было собраться и вымолить прощение у своего Бога за то, что он намеревался сделать.

Когда он вынырнул из молитвенного транса, то был уже один. Он почувствовал себя лучше. Он был уверен, молитва была не напрасной. В коридоре Тадж переминался с ноги на ногу, неохотно беседуя с женщиной, в котором Хиран узнал недавнего компаньона по молитве.

— Ты, должно быть, Хиран, — сказал тот на урду.

Хиран кивнул:

— А вы Намзул? — ответил он на английском.

Мужчина широко улыбнулся:

— Да, это я. Салам. Добро пожаловать в мой офис.